ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

КАРЛ
ХАУСХОФЕР

ТЕОРИЯ «ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА»

ФРИДРИХ
РАТЦЕЛЬ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Карл Хаусхофер

Теория «жизненного пространства»

«Алгоритм»

УДК 13
ББК 87

Хаусхофер К.

Теория «жизненного пространства» / К. Хаусхофер — «Алгоритм», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-907120-30-3

После Второй мировой войны труды известного немецкого геополитика Карла Хаусхофера запрещались, а сам он, доведенный до отчаяния, покончил жизнь самоубийством. Все это было связано с тем, что его теорию «жизненного пространства» («Lebensraum») использовал Адольф Гитлер для обоснования своей агрессивной политики в Европе и мире – в результате, Хаусхофер стал считаться чуть ли не одним из главных идеологов немецкого фашизма. Между тем, Хаусхофер никогда не призывал к войне, – напротив, его теория как раз была призвана установить прочный мир в Европе. Концепция К. Хаусхофера была направлена на создание единого континентального блока против Великобритании, в которой он видел основной источник смут и раздоров. В то же время Россия рассматривалась Хаусхофером как основной союзник Германии: вместе они должны были создать мощное евразийское объединение, целью которого было бы освоение всего континента с помощью российских транснациональных коммуникаций. Свои работы Карл Хаусхофер вначале писал под влиянием другого немецкого геополитика – Фридриха Ратцеля, но затем разошелся с ним во взглядах, в частности, отвергая выведенную Ратцелем модель «семи законов неизбежной экспансии». Основные положения теории Фридриха Ратцеля также представлены в данной книге.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-907120-30-3

© Хаусхофер К.
© Алгоритм

Содержание

Предисловие 6
Фридрих Ратцель 10
Народы 10
Эйкумена 12
Культура 13
Язык 21
Государство 22
Карл Хаусхофер 27
Границы и жизненное пространство 27
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Карл Ха́усхофер (Karl Haushofer), Фри́дрих Ра́тцель (Friedrich Ratzel) Теория «жизненного пространства»

Предисловие

Отцом геополитики по праву считается немецкий исследователь Фридрих Ратцель (1844–1904) – немецкий географ и зоолог, профессор географии в Лейпцигском университете, основатель немецкой социологической школы, названной его учеником Р. Челленом «геополитической».

Ратцель активно использовал термин «Lebensraum» («жизненное пространство»), введенный в научный оборот Карлом Риттером, и развил концепцию органической модели государства. Он вывел семь законов экспансии, или «пространственного роста государства», будучи уверен в том, что «растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности»:

1. Пространство государства растет вместе с ростом культуры.

2. Рост государства сопровождается другими симптомами развития: развитием идей, торговли, производства, миссионерством, повышенной активностью в различных сферах.

3. Пространственный рост государства осуществляется путем соединения и поглощения малых государств.

4. Граница есть периферийный орган государства и как таковой служит свидетельством его роста, силы или слабости и изменений в этом организме.

5. В своем росте государство стремится вобрать в себя наиболее ценные элементы физического окружения, береговые линии, русла рек, равнины, районы, богатые ресурсами.

6. Исходный импульс к территориальному росту приходит к государствам извне, как результат различия уровней цивилизации соседствующих территорий.

7. Общая тенденция к слиянию и поглощению слабых наций переходит от государства к государству и, набирая силу, подталкивает к еще большему увеличению территорий.

Область обитания человечества, по Ратцелю, эйкумена. В северном полушарии людей живет больше, чем в южном, потому что оно дает людям больше пространства, обширные соприкасающиеся между собой области, имеет больше преимуществ для развития человечества.

Если взглянуть на карту, можно прийти к выводу, что северные части материков находятся в более широкой связи, а южные значительно поделены между собой. Поэтому высшие формы культурного развития встречаются к северу от экватора (например, северные народы издревле использовали лук, а южные не знают о его существовании).

Различие наблюдается и в общественно-политических отношениях: в доколумбовой Америке, Океании, Австралии (более древнее развитие) развит групповой брак, материнское право, род; в Азии, Африке, Европе – патриархальная система, парный брак. Это, по мнению Ратцеля, доказывает, что «в человечестве восток с западом значительно противоположны друг другу. Америка – самый крайний восток человечества: здесь скорее можно найти более древние формы развития, чем в Африке и Европе, образующих крайний запад».

Ратцель пишет, что наравне с тем, как географическая противоположность между севером и югом проходит по всей Земле, антропологический и этнографический контрасты ограничиваются так называемым Старым Светом и прилежащими к нему землями.

Большое значение имеет также транспортный фактор – сначала просто мореплавание, затем изобретение парохода – активное мореплавание. Так как по суше передвигаться было опасно (много врагов), по морю распространялась более высокая культура «приморского» народа в соседние участки земного шара.

В целом Ратцель делит народы на стоящих на низшей (дикие народы) и высшей ступени (европейцы) лестницы. Под «дикими» Ратцель понимает народы, которые находятся в большей зависимости от природы, чем народы культурные. Он доказывает, что все дикие народы живут в редком расселении, а высшая культура несет с собой и более высокую плотность расселения. «Однажды начавшееся смешение рас идет все дальше и дальше, причем каждый новый приток крови высшей расы выравнивает расстояние по отношению к высоте…»

«В основе материального прогресса человечества, – пишет Ратцель, – лежит все более и более усугубляющееся и расширяющееся изучение явлений природы. Отсюда исходит все возрастающее обилие средств, которыми человек пользуется для улучшения и украшения своей жизни». Основополагающими факторами при этом стали общие интересы труда (с развитием экономического разделения труда), торговля (места перекрещивания путей сообщения) и т. д. На основе этого Ратцель приходит к выводу, что общее самообладание и общие интересы создают государство. Почти во всех государствах неевропейского культурного круга управляют вторгшиеся в них завоеватели-чужеземцы. Сознание национальной связи возникает лишь позднее и прокладывает себе дорогу в виде государствообразующей силы, когда вступают в дело и умственные интересы народа. Ответвление новых форм возможно в жизни народов лишь тогда, когда они занимают обширные пространства; только в этом случае они могут найти необходимое уединение, укрепятся их особые признаки, без которых невозможно выделение их в специальную группу.

Наиболее благоприятным для государства элементом ландшафта Ф. Ратцель считает морские берега, которые он относит к наивысшему рангу политических границ. В этой связи по мере роста государство стремится к включению в свой состав «политически ценных мест», а поскольку «масштабы политических пространств» непрерывно изменяются, то отчетливо проявляется тенденция «врастать в естественные замкнутые пространства».

Логика законов пространственной экспансии привела Ф. Ратцеля к формулированию концепции «мировой державы». Он заметил, что у больших стран в их развитии есть стремление к максимальной географической экспансии, выходящей постепенно на планетарный уровень. В результате происходит объединение континентального пространства под политическим и стратегическим господством такой мировой державы. На американском континенте Ф. Ратцель отводил эту роль США, а на европейском – Германии.

Ратцель одним из первых разработал теорию «океанического цикла». В этой теории он обосновал идею о поступательном перемещении стратегических центров мира из Средиземноморья в Атлантический, а затем и в Тихий океан. Ф. Ратцель называл Тихий океан океаном будущего.

Он считал, что на мировой арене будут доминировать те страны, которые имеют реальное первенство в Тихоокеанском стратегическом районе. Причины этого заключаются в его огромных размерах, уникальных ресурсах и стратегическом положении. Поэтому именно в этом районе будут решаться силовые отношения ведущих мировых держав: США, Японии, Китая, России и Англии. Именно в этом районе, по его предположению, должно в будущем произойти решающее столкновение между морскими и континентальными государствами. У последних в этом столкновении был ряд преимуществ: достаточное пространство и богатые ресурсы.

* * *

Карл Хаусхофер (1869–1946) – немецкий географ и социолог, виднейший представитель германской школы геополитики.

В 1919 году Хаусхофер защитил докторскую диссертацию в Мюнхенском университете в области географии и в 1921 году получил звание почетного профессора. В 1919 году Хаусхофер близко познакомился со своим студентом Рудольфом Гессом, который некоторое время работал у него ассистентом. Хаусхофер регулярно каждую среду навещал Гесса в Ландсбергской тюрьме, пока тот отбывал наказание за участие в Пивном путче 1923 года, и там познакомился с Адольфом Гитлером. Для «молодых орлов», как он называл Гесса и Гитлера, Хаусхофер читал в тюрьме лекции по геополитике.

Несмотря на то что Гитлер принял идеи Хаусхофера о жизненном пространстве («Lebensraum») и изложил их в «Майн кампф», близкие отношения между Хаусхофером и Гитлером не сложились. Гитлер показался Хаусхоферу неотесанным плебеем, склонным к банальностям и упрощениям. В свою очередь, Гитлер воспринимал Хаусхофера как еще одного «полезного идиота», чьи идеи можно использовать в своих целях, не вникая в их суть. В личной библиотеке Гитлера после войны не было обнаружено ни одного из более чем сорока крупных трудов Хаусхофера и ни одного выпуска его журнала.

В 1933 году Карл Хаусхофер получил звание ординарного профессора и в 1934–1937 годах возглавлял Германскую академию. В основанном в 1935 году Англо-германском обществе Хаусхофер вошел в состав правления. В 1938–1941 годах возглавлял Народный союз немцев за рубежом. Хаусхофер не вступал в НСДАП, тем не менее в официальных органах Германской империи проходил как член партии.

Как специалист по Японии, Хаусхофер участвовал консультантом при заключении Антикоминтерновского пакта в 1936 году. В изданном в 1925 году учебнике «Геополитика Тихого океана» Хаусхофер отвел Японии в Азии роль лидера, которую по его представлениям должна была занять в Европе Германия.

В феврале 1939 года Хаусхофер завершил преподавательскую деятельность. К этому времени у него сформировалось критическое отношение к национал-социализму, с которым он был связан прежде всего через Рудольфа Гесса. После вылета Рудольфа Гесса в Великобританию 10 мая 1941 года Хаусхофер полностью лишился влияния и попал под наблюдение гестапо. Его сын Альбрехт был арестован в связи с покушением на Гитлера 20 июля 1944 года и убит эсэсовцами в ночь на 23 апреля 1945 года. Младший сын Хаусхофера Хайнц также некоторое время провел в заключении. Сам Карл Хаусхофер провел месяц в концлагере Дахау. После освобождения в 1945 году Хаусхофер вернулся в Мюнхен, где 13 марта 1946 г. вместе с женой совершил самоубийство в своем поместье Хартшиммельхоф.

Взгляды Хаусхофера складывались под влиянием социального дарвинизма. Фундаментом для построений Хаусхофера было, как уже говорилось, понятие «жизненного пространства», причем задачу каждого государства он видел в расширении этого пространства. Отсюда выводились необходимость экономической самодостаточности (автаркия), культурной экспансии и поглощения небольших государств, которые, будучи неспособными проводить самостоятельную внешнюю политику, лишь дестабилизируют международные отношения.

Хаусхофер разработал особый вариант евразийства – военно-геополитическую доктрину «Континентального блока (союза)» («Ось Берлин – Москва – Токио»), который должен был объединить государства Евразии, такие как: Испания, Италия, Франция, Германия, Россия и Япония – будучи восточным противовесом и альтернативой западному англосаксонскому миру: Британской империи и США.

Во второй части своей статьи «Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио» Карл Хаусхофер писал: «Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа – немцы и русские – всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году: это аксиома европейской политики».

На практике в нацистской Германии эта теория была извращена и воплотилась в виде организации политического блока так называемых «стран Оси», с прицелом на создание всемирной Германской империи.

Фридрих Ратцель
Область обитания и народ

Народы

Наше умственное и культурное развитие, все то, что мы называем прогрессом цивилизации, можно сравнить скорее с ростом растения, чем со свободным подъемом птицы. Мы всегда остаемся связанными с землею, и ветвь может расти только на стволе. Как бы человечество ни поднимало голову в эфирные области, ноги его все-таки касаются земли, и прах вновь становится прахом. Этим обусловливается необходимость рассмотрения нашего предмета.

Что касается исторического воззрения, то мы можем указать народы, которые целые тысячелетия оставались одинаковыми, не меняя ни местопребывания, ни языка, ни физического облика, ни образа жизни, и только поверхностно изменяли свои верования и знания. Геродот упоминает об одном пещерном народе, жившем вблизи гарамантов, обитателей нынешнего Феццана; он рассказывает, что это был народ очень ловкий и быстрый на ходу и что язык его был мало известен за пределами его местообитания. Это – народ Тубу или Тэда Нахтигаля, и теперь еще живущий в естественных пещерах своих скал, пользующийся большой известностью за свою ловкость и быстроту передвижения, язык которого почти не проникает за пределы его скалистых укреплений. По крайней мере, более 2000 лет, а может быть, и еще гораздо дольше, эти люди живут все так же, как и жили. Они и теперь настолько же богаты и бедны, мудры и невежественны, как были тысячелетия тому назад. Они ничего не прибавили к тому, чем обладали в те времена. История каждого поколения была та же, как и предыдущих, и повторяла собою все прежние. Они не сделали, как мы говорим обыкновенно, никаких успехов. Но они были всегда способными, крепкими, деятельными людьми, наделенными добродетелями и пороками. Мы видим в них обломок прошлого времени.

В тот же период наш народ с родственными ему народами пережил крайне разнообразную историю и накопил сокровища мудрости, знания и материального богатства. Мы выступили из тьмы лесов на историческую сцену и сделали наше имя в войне и мире одним из самых почетных и страшных среди народов. Но изменились ли мы в качестве отдельных людей? Сильнее ли мы наших предков телом и духом, добродетелями и способностями, в сравнении с народом Тубу? Это подлежит большому сомнению. Главное различие заключается в том, что мы больше работали, больше приобретали, быстрее жили, а еще более в том, что мы умеем сохранять приобретенное и пользоваться им. Наше достояние крупнее, жизненнее и свежее. Этнографическое сравнение поэтому отводит нам высшее положение в человечестве, но оно показывает нам также, как и почему мы сделались такими, каковы мы теперь, и по каким путям мы можем продолжать идти дальше. И хотя мы не можем достаточно часто повторять, что народ состоит из индивидуумов, которые во всех его проявлениях играли и играют роль основных элементов, но коренное сходство этих индивидуумов настолько велико, что мысли, выражаемые одним человеком, всегда находят отклик в других, если они имеют к ним доступ, так же, как одинаковые семена на одной и той же почве приносят одинаковые плоды.

Мы можем уже представить себе такую всеобщую историю культуры, точка зрения которой господствует над всей землей, т. к. она обозревает историю распространения культуры во всем человечестве; она глубоко проникает в то, что называется обыкновенно народоведением, или этнографией.

На самом деле чем глубже испытующий взор заглядывает в глубину доисторических и внеисторических народов, тем более встречает он во всех культурных кругах и на всех степенях

культуры, в сущности, одну и ту же культуру, которая уже давно, когда еще не существовало условий для развития многочисленных особых культурных центров, передавалась от одного народа к другому по всей земле. Мы видим ее в тесной связи с нынешним человечеством, которое все, что в нем велико и ново, создало из того общего основания, многие части которого до сих пор еще остаются в его руках неизмененными.

Недалеко уже то время, когда не будет всемирной истории, не касающейся тех народов, которые до сих пор считались не историческими вследствие того, что они не оставили никаких писанных или высеченных на камне известий. История есть деятельность.

Эйкумена

Человечество населяет умеренный и теплые страны и острова земли и часть холодного пояса Северного полушария. Область его обитания, эйкумена, образует пояс изменчивой ширины, самый северный пункт которого в северном полушарии лежит в области 80°, а в южном полушарии – 55° широты. Из обоих наибольших океанов земли северный край эйкумены лежит в Тихом океане, где Азия и Америка отстоят друг от друга только на 12,5 географической мили, и по середине его проходит полоса обитаемых островов; напротив, Атлантический океан до ирландско-нормандскаго заселения Фарерских островов и Исландии составлял широкий перерыв в этом обитаемом поясе.

Поэтому в эйкумене, поверхность которой, за исключением моря, составляет приблизительно 2,4 млн квадратных географических миль, можно различать северную и южную окраины, обращенные к необитаемым ледяным пустыням полярных областей, и восточную и западную окраины, между которыми лежит Атлантический океан.

Народы, живущие на этих окраинах, видят перед собою пустоту, не окружены со всех сторон подобными себе и находятся там, где их местообитания далеко выдвинуты, в полном уединении, составляющем причину их этнографической бедности. Наоборот, некоторые группы народов помещаются в тех местах, где они могут пользоваться значительным преимуществом общения с другими народами: такие места мы видим на Тихом океане.

Культура

Но в чем же заключается сущность различия, отделяющего дикие народы от культурных? Теоретики учения о развитии свободно относятся к этому вопросу и объявляют его давно решенным. Разве можно сомневаться в том, что дикие народы – «древнейшие слои человечества, какие мы можем видеть еще в настоящее время»? Они – остатки бескультурных периодов, между тем как другие части человечества, достигшие в борьбе за существование высшей одаренности и приобретшие более богатое культурное достояние, давно уже выступили из этих периодов.

Этому положению мы противопоставим вопрос: в чем же состоит это культурное достояние? Разве разум, являющийся основою, далее источником всего, не составляет общего достояния человечества? Языку и религии мы должны отдать предпочтение перед другими проявлениями как более благородным и теснее сблизить их с разумом, согласно прекрасному выражению Гамана: «Без языка у нас не было бы разума, без разума – религии, а без этих трех существенных составных частей нашей природы – ни общественного духа, ни общественной связи». Несомненно, язык оказал неизмеримо могущественное влияние на выработку человеческого духа. «Мы должны, – говорит Гердер, – смотреть на орудия речи как на кормило нашего разума, а на речь как на небесную искру, которая постепенно воспламеняла наши чувства и мысли».

Столь же несомненно, что и религия народов, бедных культурой, заключает в себе все зачатки, которые с течением времени должны были образовать великолепный, цветущий лес духовной жизни культурных народов; она – в одно и то же время искусство и наука, теология и философия, и в этой бедной жизни нет ничего стремящегося к идеалу, чего бы она не охватывала. О жрецах этих народов можно сказать по всей справедливости, что они – хранители божественной тайны. Последующее распространение этой тайны в народе, популяризация ее в обширном смысле служит самым ясным и глубоким признаком культурного прогресса.

Никто не сомневается в том, что разум составляет общее достояние людей всех рас и ступеней развития; точно так же можно считать фактом общую наличность языка, и противоположно тому, как думали прежде, низшие народы не всегда обладают самыми простыми, а высокоразвитые – самыми богатыми языками. Между тем часто приходится слышать сомнения, что религия встречается у всех диких народов. Мы должны допустить общее распространение, по крайней мере, известной степени религии.

По отношению к политическим и экономическим учреждениям мы находим у диких народов весьма большие различия культурного достояния; мы можем найти у них не только начала, но и довольно значительную часть прогресса культуры, и несомненно, что упомянутые различия сводятся не столько к различию даровитости, сколько к несходным условиям развития.

* * *

Сущность культуры заключается в накоплении множества опытов, затем в прочности сохранения их и, наконец, в способности развивать и увеличивать их. Поэтому мы прежде всего должны поставить вопрос: каким образом может осуществляться первое основное условие культуры – накопление культурного достояния в форме умения, знания, силы. Давно уже существует соглашение относительно того, что первым шагом в этом случае является переход от полной зависимости от произвольных даров природы к сознательному пользованию ими посредством собственной работы, в особенности в земледелии или скотоводстве. Этот переход

открывает разом все самые отдаленные перспективы культуры; но следует иметь в виду, что от первого шага до высоты, достигнутой в настоящее время, лежит весьма большое расстояние.

Дух человека, так же как и дух целых народов, обнаруживает дальнейшее развитие как вследствие разнообразных дарований, так и вследствие различных влияний, оказываемых на них внешними условиями. Более всего подвержена колебанию степень внутренней связи и вместе с тем твердости или прочности духовного достояния. Отсутствие связи, распадение этого достояния так же решительно характеризует низшие культурные ступени, как его связность, неразрушимость и способность к развитию характеризуют высшие.

Мы встречаем на низких ступенях бедность традиций, которая не позволяет этим народам прийти к осознанию своей прежней судьбы в течение более или менее продолжительного времени и не позволяет им умножить свое умственное достояние приобретениями отдельных выдающихся умов или восприятием и разработкой приходящих извне стимулов.

Здесь, насколько мы можем этому довериться, лежит причина самых глубоких различий между народами. Мы, по-видимому, касаемся ее, когда противопоставляем народы, имеющие историю, народам, не имеющим ее. Но разве исторические факты потеряны для истории только тому, что память о них не сохранена писаной историей? Сущность истории заключается в самом происшествии, а не в запоминании и закреплении происшедшего.

Мы предпочитаем свести это различие к противоположению раздробленных и организованных народностей, т. к. внутренняя связь, по-видимому, обозначает наиболее глубокое различие, какое существует в области исторического действия, а следовательно, главным образом и в духовной области. Как общественная и государственная, так и духовная история человечества есть прежде всего переход от разрозненности к взаимодействию; и внешняя природа прежде всего заставляет человеческий дух приспособляться к ней тем, что он стремится стать в определенное отношение к ней, конечной целью чего является создание упорядоченного отражения природы в самом человеческом духе, т. е. создание поэзии, искусства и науки.

Принадлежа к самым различным расам, дикие народы не составляют народной группы в анатомическо-антропологическом смысле. Так как они принимают участие в высших культурных благах человечества в области языка и религии, то место их не должно указываться у основания родословного дерева человечества, и их состояние не должно считаться первичным или детским.

Существует различие между быстро созревающею незрелостью ребенка и недостаточною зрелостью недвигающегося вперед взрослого. То, что мы называем дикими народами, близко к последнему и далеко от первого. Мы называем их народами, бедными культурою, потому что внутренние и внешние обстоятельства помешали им достигнуть таких прочных успехов в области культуры, которые служат признаками настоящих культурных народов и доказательствами культурного прогресса.

Но мы не отважимся назвать эти народы бескультурными, так как каждый из них обладает первичными средствами для подъема на высшие ступени: язык, религия, огонь, оружие и орудия свойственны им всем, и обладание этими средствами и многими другими, в числе которых достаточно назвать домашних животных и культурные растения, вызывает многочисленные и разнообразные соприкосновения с настоящими культурными народами.

* * *

Существуют многие причины, почему эти дары не принесли им пользы. В числе их меньшая умственная даровитость обыкновенно указывается на первом месте. Это удобно, но не совсем справедливо. Среди нынешних диких народов, во всяком случае, замечается большое различие даровитости. Следует иметь в виду, что в течение культурного развития лишь несколько более даровитые народы все больше и больше овладевали средствами культуры и

придавали прочности своему прогрессу, тогда как менее даровитые оставались позади. Но следует распознавать и оценивать и внешних условия в их задерживающем или поощряющем действии; указывать их на первом месте будет справедливее и логичнее.

Мы понимаем, почему местообитания диких народов по преимуществу встречаются на самых внешних окраинах эйкумены, в холодных и жарких странах, на отдаленных островах, в замкнутых горах, в пустынях. Мы называем их отсталость в других частях света, которые представляли столь мало средств для развития земледелия и скотоводства, как Австралия, северные полярные страны и самые северные и южные части Америки.

В неверных, недостаточно развитых источниках существования мы видим цепь, которая связывает им ноги и заставляет их двигаться в узком пространстве. Этим объясняется их незначительная численность, и отсюда же вытекает незначительная общая масса их умственных и физических проявлений, редкость выдающихся людей, отсутствие благодетельного давления, которое оказывается окружающими массами на деятельность и предусмотрительность отдельных лиц и обнаруживается в сословном наслоении общества и в содействии полезному разделению труда.

Отчасти из этой неверности вспомогательных средств исходит и недостаточная устойчивость диких народов. Все они проникнуты духом кочевой жизни, которым объясняется и несовершенство их политических и экономических учреждений, даже и тогда, когда эти народы, по-видимому, начинают усердно заниматься земледелием на известном участке земли.

Таким образом, несмотря на культурные средства, которыми они часто богато оделяются, возникает разрозненная, лишенная сосредоточения сил и плодотворности жизнь. Не имея внутренней связи, эта жизнь лишена и прочного развития; это не та жизнь, где впервые выработались зачатки культуры, дающие уже в начале того, что мы называем историей, богатые всходы: она наполнена скорее отбросами культуры и смутными воспоминаниями из культурных циклов, лежащих отчасти позади начала нашей истории.

Если мы сделаем краткое заключение о положении этих народов относительно тех, к которым мы принадлежим сами, то мы должны будем сказать: в культурном отношении эти народы составляют слой, низший в сравнении с нами, между тем как по естественному образованию и зачаткам они, насколько это можно распознать, равны нам, а отчасти стоят недалеко от нас. Это наслоение должно понимать не в том смысле, что оно составляет ближайшие к нам низшие ступени развития, по которым мы прошли сами, а в том, что оно столько же состоит из неподвижных, сколько и из отсталых элементов.

Существует, таким образом, крепкое зерно положительного свойства диких народов. В нем заключаются значение и выгоды их изучения. Отрицательное воззрение, которое видит только то, чего им недостает в сравнении с нами, есть близорукая и слишком низкая оценка их.

* * *

Словом «культура» мы обозначаем обыкновенно сумму всех духовных приобретений известного времени. Когда мы говорим о степенях культуры, о высшей и низшей культуре, о полукультуре и противопоставляем друг другу дикие и культурные народы, мы прилагаем к различным культурам масштаб, заимствованный от той культурной высоты, какой достигли мы сами.

Наша культура кажется нам настоящей культурой. Допуская, что в действительности самое высокое и богатое развитие этого понятия можно найти только у нас, мы должны для понимания самого предмета считать особенно важной возможность проследить распускание этого цветка от самого семени. Мы достигнем нашей цели – проникновения в сущность культуры, лишь тогда, когда поймем двигательную силу, которая развила культуру из первых зачатков.

Каждому народу свойственны умственные дарования, и он развивает в своей жизни нечто духовное. Каждый называет известную сумму знания и умения свою, представляющую его культуру. Различие между этими «суммами умственных приобретений» лежит, однако, не столько в их величине, сколько в их способности к развитию. Прибегая к сравнению, культурный народ кажется нам мощным деревом, которое тысячелетним ростом возвысилось до нынешнего величия и устойчивости над низменностью и непрочностью народов, бедных культурою.

Одни растения ежегодно умирают, а другие из травки превращаются в могучие деревья. Разница между ними заключается в сохранении продуктов роста каждого отдельного года, в их накоплении и закреплении. Даже и этот непрочный рост диких народов, которые можно сравнить с кустарником, дал бы нечто более устойчивое, причем каждое новое поколение выше поднималось бы к солнцу и находило бы более твердую опору в том, что было достигнуто уже ранее его, если бы в нем действовало стремление к сохранению и закреплению. Но ему недостает этого стремления, и таким образом происходит, что все растения, предназначенные к большему росту, остаются на земле и погибают в борьбе за свет и воздух, тогда как, поднявшись выше, они бы вполне пользовались ими. Культура есть порождение многих человеческих поколений.

В ограничении во времени и в пространстве, изолирующем хижины, деревни и народы, так же как и следующие друг за другом поколения, заключается отрицание культуры; наоборот, в объединении вместе живущих и в связи следующих друг за другом заключается возможность ее развития. Соединением вместе живущих упрочивается сохранение, а связью поколений – развитие культуры. Развитие культуры есть собирание сокровищ. Эти сокровища растут сами собою, если только их оберегают устойчивые силы.

Во всех областях человеческого творчества и деятельности объединение является основанием дальнейшего высшего развития. Только взаимодействием и взаимной помощью между современниками или следующими друг за другом поколениями удается достигнуть той ступени образованности, на которой стоят теперь высшие члены человечества.

Рост этот зависит от характера объединения и распространения его. Для него менее благоприятны многочисленные мелкие союзы родов, где индивидуум не свободен, чем более крупные, поощряющие индивидуальное соревнование общины и государства современных народов.

Мы называем существенным для высшего культурного развития возможно большую и тесную связь всех соревнующих между собою и с прошлыми поколениями и проистекающую отсюда наибольшую сумму проявлений и приобретений. Между этими крайностями лежат все посредствующие ступени, которые обнимаются многозначительным названием полукультуры.

Это понятие «о половине пути» заслуживает некоторого пояснения. Когда мы видим в высшей культуре энергическое выражение сохраняющих и созидающих сил, в полукультуре мы замечаем, что существенными являются силы, задерживающие и обусловливающие ее низшее положение.

Односторонность и неполнота полукультуры заключаются в области умственного прогресса, которому предшествует развитие экономической стороны. 200 лет тому назад, когда Европа и Северная Америка не достигли еще нынешнего исполинского подъема с помощью пара, железа и электричества, Китай и Япония своими успехами в земледелии, ремеслах и торговле и даже пришедшими теперь в глубокий упадок каналами и дорогами вызывали величайшее удивление европейских путешественников. Но европейцы и происшедшие от них народы в Америке и Австралии в последние 200 лет не только нагнали их, но и далеко опередили.

* * *

Здесь мы узнаем, в чем заключается загадка китайской культуры, ее высокого положения и ее застоя, как и вообще всякой полукультуры. Что, кроме стремления к свободному умственному творчеству, позволило западу так опередить восток? Вольтер совершенно прав, говоря, что природа дала китайцам органы, чтобы находить все, что для них может быть полезно, но не для того, чтобы идти дальше. В полезном, в искусствах практической жизни они велики, но мы не обязаны им ни одним глубоким взглядом на связь и причины явлений, ни одной теорией.

Происходит ли этот недостаток от какого-либо пробела в их способностях, или он заключается в неподвижности их социальной и политической организации, благоприятствующей посредственности и подавляющей гениальность? Так как он замечается во всех формах их организации, то мы должны высказаться за пробел в их дарованиях. Только этим можно объяснить неподвижность их социального расчленения. Решительный ответ может, конечно, дать только будущее; оно прежде всего покажет, как и насколько эти народы могут идти вперед по культурным путям, какие им так усердно указывают Европа и Северная Америка. В том, что они хотят или должны вступить на них, не может уже быть никакого сомнения.

Но мы не придем к решению этого вопроса, если станем на точку зрения общей культуры, которая в несовершенствах Китая, Японии и пр. видит признаки низшей ступени всей жизни, а часто и признаки полной безнадежности всех попыток к прогрессу. Если в них лежат только способности к полукультуре, то потребность прогресса, путем привлечения из Европы и Сев. Америки деятельных сил, выступит на первый план и медленно преобразует народную массу. Многих из нынешних культурных народов только этот процесс привел на их настоящую высоту.

Сумма культурных приобретений всех ступеней и всех народов слагается из материального и духовного достояний. Весьма важно разделять их одно от другого, т. к. они имеют различное значение для внутренней ценности общей культуры и прежде всего для ее способности к развитию. То и другое приобретается не одинаковыми средствами, не с одинаковой легкостью и не в одно и то же время. Материальное достояние культуры лежит в основе духовного.

Духовные создания являются, как роскошь, после удовлетворения телесных потребностей. Каждый вопрос о происхождении культуры превращается поэтому в другой вопрос: что благоприятствует развитию материальных основ культуры? Здесь надо отметить на первом месте, что, так как в пользовании средствами природы для целей человека дается путь к этому развитию, наиболее высокую цену имеет не материальное богатство природы, а богатство ее силами или, лучше сказать, стимулами, имеющими высшую ценность. Те дары природы всего дороже для человека, которые возбуждают к продолжительной деятельности заключающиеся в нем источники силы. Это может сделать всего менее то богатство или те так называемые дары природы, которые освобождают его от известного труда, необходимого при других обстоятельствах, каково, например, тепло под тропиками, благодаря которому строение жилища и изготовление одежды значительно облегчаются в сравнении с умеренным поясом. А если мы сравним то, что может дать природа, с тем, что присуще человеческому духу в виде возможности, то различие оказывается громадным и заключается преимущественно в следующем: дары природы сами по себе, по роду и количеству, неизменны, но получение необходимого колеблется из года в год и не поддается учету.

Они связаны с известными внешними условиями, зависят от известных поясов, определенных высот и различных видов почвы. Власти человека поэтому с самого начала указываются узкие пределы, которые развитием силы его ума и воли могут быть расширены, но не могут быть уничтожены. Силы человека, напротив, принадлежат только ему; он может не только свободно применять их, но и разнообразить и усиливать, причем для них нельзя установить гра-

ниц, по крайней мере в настоящее время. Ничто не показывает разительнее зависимости пользования природой от воли человека, чем одинаковое состояние диких народов во всех частях земли, во всех климатах и на всех уровнях высоты.

Не случайно слово «культура» (возделывание) имеет одинаковый смысл с земледелием. Здесь лежит его этимологический корень, а также и корень того, что мы в более обширном смысле называем культурой. Приложение известной суммы сил к клочку земли есть наилучшее, наиболее обещающее начало той независимости от природы, которая в победе духа над нею видит свою цель. Цепь развития всего легче примыкает здесь к одному звену за другим: в ежегодно повторяющейся работе на одной и той же почве сосредоточивается творчество и закрепляется предание; таким образом, здесь возникают основные условия культуры.

* * *

Естественные условия, от которых зависит накопление богатства, благодаря плодородию почвы и приложенному к ней труду имеют, таким образом, несомненно величайшее значение для развития культуры. Но нельзя допустить вместе с Боклем, что история не показывает ни одного примера страны, которая цивилизовалась бы собственными усилиями, если она не обладает каким-либо из вышеупомянутых условий в весьма благоприятной форме.

Для первого существования человека теплые, влажные, наделенные плодородием страны были бесспорно наиболее удобными, и первобытного человека всего легче вообразить себе в виде обитателя тропиков. Но если, с другой стороны, культуру можно представить только как развитие сил человека в природе и через посредство природы, то она могла явиться лишь благодаря необходимости, переместившей человека в менее благоприятные условия, где он должен был больше заботиться о себе, чем в этой мягкой колыбели тропического мира.

Это приводит нас в умеренные страны, которые мы по необходимости должны считать колыбелью культуры настолько же, насколько тропические были колыбелью человека. В плоскогорьях Мексики и верхнего Перу мы видим менее плодородные страны, чем в окружающих их низинах; тем не менее Америка достигла наибольшего развития на обоих этих плоскогориях. Даже в настоящее время, при высоко поднявшейся культуре, они кажутся такими же сухими и пустынными, как степи, рядом с несравненно более роскошною и красивою природою низин, отстоящих от них во многих местах только на один день пути.

В тропических и подтропических странах плодородие почвы вообще уменьшается по мере того, как мы поднимаемся выше, при всех климатических условиях плоские возвышенности никогда не бывают так плодородны, как низины, холмистые местности или горные склоны. Тем не менее обе американские культуры появились на плоских возвышенностях: средоточие мексиканской культуры – главный город Тенохтитлан (на месте нынешнего Мехико) лежал на 2280 м высоты, а Куско в Перу – 3500 м. В обеих этих странах мы находим гораздо менее тепла и влажности, чем в большей части остальной средней и южной Америки.

Это заставляет нас признать, что хотя культура в своей начальной стадии имеет тесную связь с обработкой почвы, но при дальнейшем развитии соотношение между ними не является необходимым. По мере того как народ растет, его культура отрешается от почвы, и чем более она развивается, тем более у него является органов, не заключающихся только в содействии земледельческому труду. Можно сказать, что земледельцу присуща прирожденная слабость, которая легко объясняется непривычкою владеть оружием и стремлением к обладанию землею и оседлости, ослабляющим мужество и предприимчивость.

Высшую меру выражения политической силы мы находим, напротив, у охотников и скотоводов, представляющих во многих отношениях противоположность земледельцам. В особенности это можно сказать о пастушеских народах, у которых к подвижности присоединяется способность к массовым действиям и к дисциплине. Здесь именно деятельно проявляется

то, что не позволяет земледельцу развивать свои силы, – недостаток оседлости, подвижность, упражнение энергии, мужество и искусство владеть оружием. Окидывая взглядом нашу землю, мы видим в действительности, что самые крепкие организации так называемых полукультурных народов вызваны к жизни сочетанием этих элементов. Исключительно земледельческий народ, китайцы, находятся под властью манджуров, персы повинуются туркестанским властителям, египтяне подчинялись и теперь подчиняются гиксам, арабам и туркам, т. е. кочевым народам.

Во внутренней Африке кочевые вагумы являются основателями и охранителями самых крепких государств Уганды и Уньоро, а в поясе государств Судана, тянущемся от моря до моря, каждое из них основано выходцами из степей и пустынь; в Мексике утонченный земледельческий народ толтеков находился в подчинении у грубых ацтеков. В истории пограничной полосы между степью и земледельческой страной это правило могло бы быть подтверждено еще большим количеством примеров. Мы видим здесь закон истории. Менее плодородные плоскогорья и прилегающие к ним полосы не потому способствовали повсюду развитию высшей культуры и образованию культурных государств, что они обладали более прохладным климатом и этим поощряли земледелие, а потому, что здесь соединялась завоевательная и охранительная сила номадов с устойчивой работой скучивавшихся в культурных оазисах, но не имевших способности к образованию государств земледельцев. Играли ли при этом озера известную роль, в качестве пунктов притяжения и кристаллизации подобных государств, является интересным, но второстепенным вопросом.

По отношению к местным благоприятствующим и задерживающим условиям культуры путем влияния свойств климата мы можем видеть большие области одинаковых климатических условий, культурные области, располагающиеся вокруг земного шара в виде пояса. Их можно назвать культурными зонами.

Согласно историческому опыту, насколько он до сих пор оправдывался в человечестве, настоящей культурной зоной является умеренный пояс. В этом нас убеждает не какая-либо одна группа фактов. Этому поясу принадлежало самое важное, органически связанное, непрерывно продолжающееся историческое развитие трех последних тысячелетий. Сердце древней истории не случайно билось в этом поясе у Средиземного моря, как мы убеждаемся из того, что историческое развитие продолжало совершаться в умеренном поясе и после распространения исторического круга по всей Европе, даже после насаждения европейской культуры в новых мирах, открывшихся в Америке, Африке и Австралии.

Правда, в эту громадную ткань вплетается бесконечное множество нитей; но все, что создают народы, в конце концов, основывается на деятельности отдельных лиц. Поэтому, несомненно, наиболее богатые последствия получались здесь от скученности как можно большого числа возможно способных индивидуумов в умеренном поясе и от совмещения отдельных культурных областей в одном культурном поясе. Сношения, обмен, умножение и закрепление элементов культурной сокровищницы находили именно там самые благоприятные условия, или, другими словами, сохранение и распространение культуры здесь могло происходить на самой обширной географической основе.

* * *

Древние полукультуры, остатки которых мы встречаем в тропических странах, принадлежат такой эпохе, когда культурная работа не предъявляла усиленных требований отдельным лицам, но когда, именно по этой причине, цвет культуры был более преходящим. Изучение географического распространения старых и новых культур, по-видимому, указывает, что вместе с ростом культурных задач культурный пояс стягивался к областям проявления наибольшей способности к деятельности в умеренных климатах.

Это соображение весьма важно для первобытной истории человеческого рода и для истории его распространения, а также для истолкования остатков культуры в тропических странах. С другим видом культурного упадка знакомят нас примеры поглощения высших в культурном отношении народов низшими, которые обладают преимуществом лучшего приспособления к тяжелым жизненным условиям. Презираемые скрелинги поглотили норманнов в Гренландии. И разве каждой группе европейцев, проникавших в арктические ледяные пустыни, во время своего пребывания в этих печальных местностях не приходилось привыкать к нравам эскимосов и изучать искусства и ремесла арктических народов, чтобы иметь возможность выдержать борьбу с силами природы полярного пояса? Точно так же и колонизация на тропической и полярной почве во многом является приближением к потребностям иноземцев. Колонизаторская сила португальцев в Африке и русских в Азии заключается именно в том, что это им удается лучше, чем их соперникам.

Замкнутая и законченная культура даже при несовершенных средствах оказывается в эстетическом и этическом отношении явлением высшего порядка, чем в том случае, когда она разлагается в состоянии прогресса и роста. Поэтому так безотрадны первые последствия соприкосновения высшей культуры с низшей, т. к. носителями высшей бывают отбросы культурного мира, а низшая страдает от переполнения узкого круга, в котором все завершено и удовлетворено. Достаточно вспомнить о первых поселениях китоловов и беглых матросов на богатых искусством и преданиями островах Новой Зеландии и Гавайских и о действии, которое производили первые питейные дома на этих островах.

Относительно Северной Америки Скулькрафт первый указал в ней быстрый упадок туземной промышленной деятельности вследствие ввоза белыми более целесообразных орудий, посуды, платья и пр. Европейская торговля легко снабжала всем, что до тех пор приходилось добывать продолжительной тяжелой работой и притом в несовершенном виде, поэтому деятельность туземцев ослабевала не только на том поприще, где она всего более могла выразиться, но и повсюду: она теряла чувство необходимости, доверия к себе, а с течением времени исчезало и самое умение.

Мы знаем теперь, что то же самое происходит в Полинезии, в Африке и у жалких эскимосов. Для Африки можно считать ясно выраженным правилом: берега там всегда – область разложения, за ними – более высокая культура, а еще высшая – в нетронутой еще, внутренней части материка. Даже столь самостоятельное японское искусство пошло назад вследствие знакомства с нижестоящими в художественном отношении европейскими образцами.

Язык

«Дарования человека, его обстоятельства и история таковы, что язык повсюду и без исключения сделался его достоянием. Так же, как язык свойствен всем людям, он является и преимуществом человечества; только человек обладает языком» (Гердер). «Степени этого обладания имеют между собой [ряд] существенных различий. Каждый народ может изучить язык каждого другого народа. Мы ежедневно видим примеры полного овладения чуждыми языками. И в этом отношении культурные народы вовсе не стоят, безусловно, выше диких. Многие более высоко стоящие ваганды говорят на языке Кисуагели, а некоторые по-арабски. Многие ваньямвезии также научились этому языку. В торговых местах западного берега Африки немало негров, знающих два или даже три языка; а в школах для индейцев в Канаде миссионеры всего более удивляются легкому изучению английского и французского языков индейской молодежью.

Орудие речи, звуки и сопровождающие их жесты весьма сходны между собою на всем земном шаре, и даже по внутреннему строению распущенность общественного порядка, наступившая в той же области и по той же причине. Так как виновниками той и другой перемены являются полинезийцы, то нельзя отрицать тесную связь, существующую в данном случае; сюда надо присоединить поразительно неравномерное распространение людоедства, проявляющееся лишь местами и существовавшее уже ранее противодействующих ему христианских и магометанских влияний.

Дальнейшим мотивом его выступает мстительность, заставляющая истреблять врага. Зависть действует и на хорошие качества характера. Идея пожизненного заключения не может возникнуть у народа, непрочные постройки которого делают невозможным устройство тюрем, и смертная казнь преобладает над всеми остальными.

Кроме того, к людоедству примыкает целый ряд каннибальских обычаев, который охватывает прежде всего человеческие жертвы, затем обрядовое употребление частей человеческого тела при освящении и ворожбе и, наконец, сохранение человеческих остатков и их применение (чаши из черепов, кинжалы из человеческих костей, ожерелья из зубов). В этом свободном обращении с человеческим мясом и костями заключается уже преодоление естественного отвращения. Людоедство еще продолжало держаться на «островах Товарищества», когда один из начальников в торжественном случае проглатывал человеческий глаз.

Выводить из имен народов заключение о людоедстве не всегда было бы справедливым, т. к. многим народам они навязаны с оскорбительной целью. Вполне понятно людоедство из нужды, т. к. оно встречается и у европейцев, тем более у народов, которые редкий год не переживают голодовок, а иногда и постоянно терпят ее, как, например, многие племена австралийцев или гиперборейцев, вынужденные жить в самых тяжелых условиях питания; в этом случае о нем можно упомянуть, потому что оно содействует поддержанию и распространению этого обычая. Там, где он однажды укоренился, он уже приобретает притягательную силу. Существуют народы, у которых человеческое мясо составляет предмет торговли и которые почти не хоронят трупов.

Государство

Ни один народ не лишен политической организации, какой бы слабой она ни казалась, как, например, у бушменов, маленькие отряды которых, собирающиеся для охоты или грабежа, иногда не имеют предводителей, или как у других разлагающихся, разрозненных племен, у которых часто лишь суеверие и привычка поддерживают племенную связь.

То, что социологи называют «индивидуализмом», до сих пор еще нигде не было найдено в виде народной особенности. Из распадения старых народов быстро образуются новые. Этот процесс всегда в ходу: «каждое отдельное племя – до известной степени лишь преходящее явление; с течением времени оно или поглощается другим, более могущественным, или, в счастливом случае, распадается на несколько мелких орд, из которых одни отправляются в одну, а другие – в другую сторону и через несколько времени ничего уже не знают друг о друге» (Лихтенштейн).

Эти политические изменения всегда носят характер перекристаллизовывания, а никак не бесформенного разложения. Организация редко держится долгое время. Одним из признаков культурного человека является то, что он привыкает к давлению законов, в исполнении которых он и практически заинтересован. Если же у негров основывается относительно упорядоченное государство, то на его границах вскоре возникает другое сообщество из лиц, принадлежащих к тому же племени и не желающих подчиняться установленному порядку. Эта выделившаяся часть населения, не признающая законов, вследствие свободы от всякого стеснения законом и устранения каких-либо отношений к своему племени, а также и уважения, какое питают к нему самые смелые и наиболее неимущие из соседних племен, часто приобретает большую силу, могущую превратить разбойничье племя в народ завоевателей и основателей государств. Грабеж и завоевание легко переходят друг в друга. Во всех странах, история которых нам известна, разбойничьи племена играли видную историческую роль.

* * *

Из истории диких народов нам больше всего известна их военная история. Первое появление огнестрельного оружия, которое позволило подняться незначительным племенам, резко отмечает новый отдел в истории всех негрских государств. То, что говорит Висман о киоках: «вместе с ними явилось огнестрельное оружие и затем образование могущественных царств», – то же можно сказать и обо всех. Разве мы не видим здесь постоянной борьбы первобытного состояния в ее низшем проявлении? На это можно ответить, что до настоящего времени и наш мир был только вооруженным, но у нас сильные взрывы стремления к борьбе прерываются продолжительными промежутками покоя, предписываемыми культурными условиями, а там часто становится постоянным состояние, сходное со средневековым кулачным правом.

При этом надо заметить, что и среди диких народов можно найти мирные народы и миролюбивых властителей. Не будем упускать из виду, что самые кровавые и губительные войны диких народов были не те, какие они вели между собою, а те, какие они вели с европейцами, и что насильственность и жестокость проявлялись в высшей степени не в их среде, а вследствие торговли рабами, вызванной стремлением к наживе чужеземцев высшей цивилизации со всеми ужасными последствиями этой торговли в виде охоты за невольниками. Когда любвеобильный и самый справедливый из всех, кто писал о диких народах, миролюбивый Давид Ливингстон мог написать в своем последнем путевом дневнике следующие слова: «основа безусловного мира ведет к несправедливости… дух борьбы – одна из жизненных необходимостей; когда люди проявляют его в недостаточной степени или вовсе не проявляют, то они подвергают себя

недостойному обращению и причинению им вреда», то мы видим, что неизбежность борьбы между людьми является крупным, настоятельным фактом.

Но это состояние борьбы не исключает государственного порядка, а, напротив, вызывает его. Это уже не dellum omnium contra omnes, а скорее фаза развития народной жизни, уже давно находящейся на пути образования государства. Самый важный шаг при выходе из дикого к культурному состоянию заключается в освобождении отдельных людей из полного или временного обособления или уединения. Все, что содействовало при этом образованию обществ наряду с семьями, имело весьма важное значение в самых ранних стадиях культурного развития. Здесь борьба с природою в обширном смысле служила самым значительным стимулом. Добывание пищи прежде всего могло создавать союзы для общей охоты и еще более для общей рыбной ловли.

Последняя представляет большие преимущества дисциплинированных команд, которые на крупных судах выбирают предводителя и повинуются ему безусловно, т. к. их успех зависит от этого повиновения. Управление кораблем делает затем менее трудным управление государством. В жизни народа, обыкновенно вполне причисляемого к дикарям, каковы обитатели Соломоновых островов, мореплавание является, несомненно, единственным элементом, объединяющим отдельные силы. Земледелец никогда не чувствует такого сильного стремления к союзу, потому что живет уединенно. Но и у него есть основания для сближения с подобными себе. Он обладает собственностью, и в этой собственности помещен капитал работы. Так как этой работы не приходится делать вновь тому, кто наследует эту собственность, то отсюда само собой возникают непрерывность владения и важное значение кровного родства.

Мы видим далее, что с земледелием связана склонность к более плотному расселению. Между тем как население становится все теснее и теснее и отграничивает себя от других, оно приобретает, как и всякое количество людей, живущих на одном и том же клочке земли, общие интересы, и таким образом возникают мелкие земледельческие государства. У пастухов, у кочевников образование государства быстрее идет вперед в той же мере, в какой потребность к взаимному сближению у них энергичнее и охватывает более широкие пространства. Это заключается в самой сущности их занятий. Между тем как здесь семья вскоре приобретает большее значение, возможность более плотного населения, напротив, исключается. Однако собственность здесь нуждается в большей защите, и последнюю доставляет союз, на первых порах семейный. В хозяйственном отношении является более разумным, когда многие живут от одного большого стада, чем когда это стадо разделяется на несколько частей. Стадо легко рассеивается, и его надо сдерживать силою. Поэтому нельзя считать случайным, что семья нигде не достигает большего политического значения, чем у номадов. Патриархальный элемент образования племен и государств находит здесь самое решительное выражение, и так же, как в охотничьем государстве средоточием является сильнейший, в пастушеском – старейший.

Мы склонны приписывать деспотизму как низшей форме развития в сравнении с правовым государством весьма глубокую древность; некогда предполагалось даже, что в его формах следует искать образование начал государственной жизни. Но этому прежде всего противоречит факт, что деспотизм противоположен патриархальному исходному пункту этих государственных образований. Племя имеет, во всяком случае, вождя, по большей части – старейшего, но, помимо военных походов, власть его почти равняется нулю; преувеличение его значения – один из самых обычных источников политических ошибок белых.

* * *

Конечная цель серьезной войны у диких народов состоит не в победе над противником, а в уничтожении его. Если нельзя захватить мужчин, нападают на женщин и детей, в особенности там, где человеческие черепа собираются с суеверною страстью, как мы это видим у

даяков-головорезов на Борнео. «Целые племена вырваны с корнем из своих мест обитания и исчезли с лица земли или бродят, гонимые беспощадной костлявой рукой голода, на огромных пространствах, подвергаясь самой изменчивой судьбе. На сотнях миль там не улыбнется никакой след местной промышленности, ни даже человеческое жилье; бесконечные пространства представляют картину единственной в своем роде безлюдной пустыни» (Гаррис о юго-восточной Африке). К убийству присоединяется грабеж, и война приводит к такому ужасному бедствию, о каком цивилизованные народы почти не могут иметь понятия. Но вершину этой опустошительной силы представляет, конечно, выступление более даровитых или, по крайней мере, лучше организованных военных и разбойничьих орд, которые приобрели навык в убийстве и жестокости. Отсечение кистей рук и ступней и обрезание носа и ушей составляют там обычное явление. Жестокое обращение имеет часто побочную цель – «отметить» пленного: сюда относится и татуировка военнопленных.

Потери жизни и здоровья уравниваются несколькими поколениями мира, но глубокое нравственное действие все-таки остается. Оно заключается в ослаблении всякой веры в ближнего и в действительность нравственных сил, миролюбия и святости данного слова. Если политика культурных народов не отличается верностью и доверчивостью, то политика диких народов может служить выражением самых низких свойств, недоверчивости, предательства и беспощадности. Они стараются действовать только страхом или хитростью. Европейской политике по отношению к диким народам это доставило большие выгоды, т. к. туземные силы крайне редко могли соединяться между собою, чтобы противиться ей.

Единственным замечательным примером такого единения сил может служить союз «шести наций» североамериканских индейцев племени ирокезов, который в XVII и XVIII столетиях угрожал серьезною опасностью европейцам. Попытка союза, который также мог представить опасность, произошла в силу так называемого Сэнд-Райверскаго договора 1852 г. между гриками, басутами, оакенами и другими бечуанскими племенами, но не была доведена до конца. Последние годы достаточно показали вновь, как мало имеют силы южноафриканские племена, несмотря на их численность и выдающиеся военные способности, т. к. им недостает взаимного доверия, которое объединяло бы их и придавало устойчивость их стремлениям.

Постоянный страх и необеспеченность туземцев составляют необходимый результат частой измены их врагов. Отличительной чертою их служит то, что большинство диких народов больше всего желают иметь оружие и никогда не выходят без него; самым характерным признаком высшего состояния государственной жизни в Уганде можно считать обычай выходить из дому уже не с оружием, а с обыкновенными тростями. Среди дикарей всегда кажется удивительным, когда встречаются люди без оружия, как это отмечает Финш, говоря о жителях Пэрси Пойнта в Новой Гвинее.

Обычай относиться как к врагам к чужеземцам, от которых суеверие заставляло ожидать несчастий и болезней, или убивать потерпевших кораблекрушение, как «принесенные водою кокосовые орехи», было, без сомнения, большим препятствием к распространению «чуждых элементов».

Мы знаем, однако, что у меланезийцев поднимался вопрос, позволительно ли так поступать, и что чужеземцы путем женитьбы могли быть прикреплены к новому месту. Если они принадлежали к ближнему острову или архипелагу, то с ними обращались не совсем как с чужеземцами, потому что они не были вполне неизвестными. Полинезийцы, которых нередко приносило бурею к Банксовым островам, встречали на них дружеский прием. Если почти ни одна из бесчисленных экспедиций для исследования Австралии не могла совершить своего пути, не подвергшись угрозам или нападениям со стороны туземцев, то нельзя не принять во внимание невольное нарушение границ областей этих последних, т. к. и в настоящее время в Средней Австралии самовольное вступление в чужую землю считается преступлением.

Подобно тому как в семье и в обществе, склонность к более резкому обособлению замечается и в политической области. Кто не признает в этом скрытом военном положении весьма важную причину отсталости диких народов? Величие культурных государств, которые поднялись на высокую ступень развития, заключается в том, что они действуют друг на друга возбуждающим образом и, вследствие того, создают все более и более совершенные результаты. Но именно взаимного возбуждения нет в постоянном военном положении, которое равномерно ослабляет культурные силы, действующие изнутри и извне, и последствием того является застой, если не регресс.

* * *

Сущность государственных образований у диких народов составляет неопределенность границ, которые намеренно не проводятся в виде линий, а поддерживаются открытыми, в виде свободного пространства изменчивой ширины. Неточность остается свойством границ даже государств полукультурных. Не все государство связано с площадью земли, какую оно покрывает, и в особенности с его периферическими частями; вполне определенно только политическое средоточие, самое существенное во всем образовании.

Именно из него власть, сдерживающая государство, направляет свою силу в большей или меньшей степени в периферические полосы. Пограничные пункты и пограничные пространства известны нам на всех ступенях. Пограничные пространства оставляются свободными и служат даже общими местами охоты, но они служат и жилищами для враждебных государству сил различных desperados; нередко здесь получают начало новые государственные образования.

Резкие границы появились прежде всего там, где встречались столь противоположные культуры кочевников и земледельцев. Здесь по необходимости для степных народов назначались резкие пределы, которые усиливались искусственно, с помощью пограничных валов и даже стен. Степные области – страны китайских стен, турецких и казацких валов.

Леопольд фон Ранке высказал в виде предположения, подтвержденного опытом, что общему историческому обзору подлежат вначале не великие монархии, а маленькие племенные округи или общины, только похожие на государство.

Отсюда следует, что историю всех великих государств, даже Китая, можно свести к самым незначительным началам. Правда, они не были долговечными, за единственным исключением римского государства. И китайское государство переживало времена распада. У римского государства народы научились, как надо управлять большими странами, чтобы держать под своей властью большие пространства; с тех пор история видела, как многие государства, превосходившие римское по своей величине, возникали и поддерживались в течение столетий. Кроме усвоения исторических уроков, этому бесспорно содействовали возрастающая численность населений и увеличивающееся вместе с тем значение их материальных интересов.

Но существует более важное основание для небольшого размера первоначальных государств. Семья и общество образуют у большинства диких народов такие крупные, часто совпадающие между собою и тесно замкнутые союзы, что лишь весьма немного остается для государства. Быстрый упадок государств уравновешивается прочностью жизни племен. Когда первые распадаются, из прежних племен возникают новые царства. Семья кровных родственников в своем общем длинном доме или деревне представляет в то же время политическую единицу, которая от времени до времени может соединяться с подобными себе, быть может, связанными с нею отдаленным родством; эта единица может оставаться, однако, в полном спокойствии до тех пор, пока сила, действующая извне, не нарушит этого самодовления.

Многолюдная Африка негров не заключает в себе ни одного настоящего крупного государства. Чем тамошнее царство больше, тем менее оно долговечно, тем менее прочна его связь.

Нужна большая сила организации и связности, какую мы видим у фулахов и вагумов, чтобы не только основать, но и поддержать, хотя и с большим трудом, такие царства, как Сокото или Уганда. Зулусы, так высоко стоящие по своей военной организации, никогда не распространялись надолго за пределы своих естественных границ, оставаясь в связи со своей родиной. У них нет системы и способности для мирной организации. Этот недостаток крепкой внутренней связи замечается даже в магометанских государствах Судана и служит одной из причин ослабления, вследствие которого погибли туземные государства средней и южной Америки.

Чем ближе мы знакомимся с настоящей сущностью древней Мексики, тем менее чувствуем склонности применять к этому малосплоченному союзу начальников анагуакских племен такие названия, как царство и государь. Величина царства инков преувеличивается до баснословности. Мы с удивлением узнаем, что племя манданов, о котором говорилось так много и которое внушало такой страх, состояло лишь из 900–1000 голов.

В малайском архипелаге, по-видимому, только с появлением ислама образование государств стало выше обособления деревенских общин. Ясность и определенность в делах при политической сплоченности еще и в наше время отсутствовали в больших государствах южной и восточной Азии, т. к. то и другое составляет преимущество высшей культурной ступени.

* * *

Вместо расширения государства происходит иногда основание нового государства путем выселения и завоевания. Это – умножение клеточки превращением в собрание клеточек вместо разрастания ее в организме. Поразительно, как то же предание или сказание часто повторяется в Африке и других местах. Правитель посылает отряд воинов для покорения страны или города; это им не удается; они спокойно остаются там и женятся на дочерях, тех, кого они хотели подчинить своей власти. Таково происхождение матабелей и, вероятно, близко родственных им мазитов, и точно так же объясняются поселения фулахов на нижнем Нигере и оазисы китайского населения в землях Шань.

Мы не имеем надобности верить всем этим преданиям и можем видеть в них только доказательство как важной роли войны в народных смешениях древности, так и трудности основания сплоченных государств; их место занимает выделение колоний военным или мирным путем. У альфуров восточных островов Малайского архипелага существовали особые правила для управления их колониями, и основание колоний в старой Полинезии было таким же необходимым актом государственной жизни, как некогда в Элладе.

У народов на низшей ступени естественно отступает назад связующая сила борьбы с природными опасностями, угрожающая сила которых соединяет народ для общей защиты. Связующая сила, способствующая пониманию общих интересов, действует благоприятно на общую культуру. В низколежащих береговых пространствах Немецкого моря в Германии и в Нидерландах общая опасность прорыва плотины и затопления бушующими волнами моря вызвала сплоченность местных обитателей, имевшую важные последствия.

С глубоким смыслом миф тесно связывал борьбу с этими природными силами многоглавых гидр и страшных, выползающих из моря на сушу морских чудовищ с достижением высших благ в основании государств и приобретении культуры, в особенности у китайского народа, который в своей стране, богатой реками и болотами, находил много работы по устройству плотин и осушению.

В Египте такое же историческое значение имело влияние заботы ежегодного орошения и восстановления границ в стране.

Карл Хаусхофер
Геополитика. Жизненное пространство

Границы и жизненное пространство

Можно ли справедливым, обоснованным с позиций естественных наук, истинно социальным образом разрешить главную проблему физической антропогеографии, а именно раздел жизненного пространства при растущем давлении народов и сношений на становящейся обозримо все более тесной и малой Земле сообразно плотности населения, жизненной энергии, культурному и экономическому вкладу ее обитателей, если наука снова и снова не будет разрабатывать и обобщать для политики те ее незыблемые основы, которые могут стать надежными исходными точками для справедливого разграничения отдельных частей пространств и государственных структур нашей планеты?

Если умные и миролюбиво настроенные люди, добропорядочные европейцы, называют нынешние внутренние границы Европы этнически неосновательными и противопоставляют им не защищенную с обеих сторон и демилитаризованную американо-канадскую границу как идеал для континента, который благодаря своевременному сплочению хотел бы избежать очередной войны, то нужно лишь радоваться тому, что представители географии и истории, политических и экономических наук предоставляют дополнительные основы для их прочувствованных суждений и предостережений.

Именно истинный друг мира должен страстно приветствовать такую работу, направленную на познание границы, подобно тому как пожарный должен быть благодарен, если ему своевременно, до вспышки, показывают будущий или уже тлеющий очаги пожара. Конечно, маловероятно, что эти очаги будут выданы теми, кто обделывает свои делишки. Поэтому, как представляется, обращать внимание на не заживающие от ожога раны на теле народа – предпочтительный долг и право стесненных в пространстве наций, всех, кто страдает от избыточной плотности населения и от урезанной, искалеченной ложно проведенными границами духовной жизни.

Такому долгу и такому праву должна удовлетворять эта книга о границах! Впрочем, она вряд ли понравится там, где почитают принцип «надо мной не каплет». Вероятно, даже не понравится. Но этот принцип не только никогда и нигде не помогал миру в его поступательном движении, но и давным-давно вызывал обоснованное недовольство существующим положением, истошный крик о помощи, обращенный к слишком туго закрученным предохранительным клапанам, яростные выпады против таких границ, которые воистину показывают, что они установлены и проведены не Богом, не природой, а есть шаткое создание рук человеческих.

Пусть наградой всем, кто любезно помогал в подготовке [этой книги], как и всем, кто занят пограничной работой на Земле, будет формирование сознания, создание полезных инструментов для установления более удобных и более прочных границ отдельных пространств будущего родного дома человечества.

Из таких здоровых, жизнелюбивых структур могло бы затем возникнуть здание подлинного союза народов, где не только счастливые и живущие в благоденствии нации, но и все остальные наслаждались бы свободой дышать, трудиться, ценить свою землю и свое жизненное пространство в общем земном доме и где лишенные права на самоопределение многомиллионные древние культурные народы не стояли бы как неизменные обвинители, нищие, ограбленные, перед закрытыми дверями, перегороженными границами и перекрытыми дорогами в

будущее, которое и для ныне властвующих, кажущихся счастливыми, остается под опасной угрозой.

* * *

Разве кто-нибудь мог бы посчитать возможным еще на рубеже столетия, когда на всех языках было написано так много светлого о будущем человечества, что всего два десятилетия спустя государственные мужи, члены ученых академий и обществ, якобы мыслящие категориями крупного пространства народные лидеры окажутся готовыми провести границы государств и народов через большие города и их водонапорные башни и газовые фабрики, соорудить рубежи между рабочими и их каменноугольными шахтами, воздвигнуть там и сям барьеры между одинаково думающими, чувствующими и говорящими людьми!

Возникают анклавы, остаточные состояния, в отношении которых важно осознать, идет ли речь о жизнеспособных, более того, весьма жизненных состояниях земной поверхности, определяемых ею процессах, единствах, которые, в сущности, сильнее, чем кажущиеся гораздо большими, но политически временными образования, или же о рудиментах в биологическом смысле, о преходящих состояниях, обреченных на отмирание, атрофию и в конечном счете на исчезновение. В то же время из ранее упомянутых остаточных форм резерватов могут возникать новые, безгранично жизнеспособные образования, хотя и более мелкие виды рас, племен, типы людей и животных, которые в противном случае исчезли бы.

Из таких образований могут затем создаваться в пограничной структуре стабильные ячейки, которые в течение тысячелетий весьма успешно сопротивляются неестественному, линейному проведению границы. Временный способ кондоминиумов на любых ступенях такого образования со свойственной ему замкнутой жизнью зачастую благополучно ведет их через арены борьбы прибегающих к насилию крупных государственных образований, на пересечениях крупных культурных ареалов; затем они добивались упорством «confinatio» как товарищества с общей вынужденной судьбой, с часто кажущейся непонятной принадлежностью друг к другу.

Наиболее тонкой и с точки зрения народной психологии благодатной задачей науки является в данном случае проникновение во взаимодействие почвы и осознанных человеком потребностей – часто в наследие древних, закрепленных почвой и климатом обычаев, – чтобы установить причины сохранения осуществленного разграничения. В детально выстроенном длинном перечне побудительных оснований (стимулов) первый – правовое понятие о районах, находящихся за пределами самой границы, и интересующее нас отношение к нему политико-географического и культурно-географического обозначения границы, когда в слишком укрепленных ячейках областей и земель чаще всего возникает затруднительное положение, связанное с тем, что оно нелюбимо централизмом и бюрократией и даже ненавистно им, но обусловливает самоуправление и свободе желанные исключительные (привилегированные) положения.

Поразмышляем также о тех – а их число растет в результате слишком резкого проведения линии, – кто не признает границ и кто разрушает их. Не признающий границ и ее разрушитель – два совершенно различных вида. Один ставит себя выше естественных границ, потому что они для него ничего не значат, а другой сознательно разрушает их, воспринимая такие рубежи как препятствие, а не защиту и органическое благодеяние. Эти два вида можно отчасти рассматривать и с географической точки зрения, учитывая их распространение, происхождение и влияние на политизированный культурный ландшафт.

Часто происходящие из экстремального смешения рас или же в своем становлении как физическая, так и психологическая наследственная масса принадлежащие к двум различным мирам, к двум зонам боевых действий, они, естественно, хотят отменить их границы, но в

разном смысле. Если первые как урожденные граждане мира, космополиты, утерявшие гражданство, попутчики любого Интернационала, под каким бы флагом он ни выступал – золотым или зеленым, красным или черным, не видят и не ощущают их, то вторые – враги границы, ее разрушители любой ценой, и они замечают границу, борются против барьера главным образом потому, что родились «на ее склонной к коварству стороне».

* * *

А труды о границе, литература о границе – что они нам до сих пор преподносили, в чем оставались перед нами в долгу, несмотря на многократные честные попытки создать некую теорию границы? Из какой бы основы ни исходить, пытаясь вывести философское или правовое образование научных понятий и идеальное представление о линии без собственного пространства или же об арене борьбы, зоне боевых действий, эмпирику всеобщей действительности, проблема всегда выдвигала на первый план смелость типизации! На самой высокой ступени, по моему мнению, стоит Ф. Ратцель. Именно в трудах Ратцеля содержится органическое понимание границы.

Восприятие границы Ратцелем как становящейся все более узкой вплоть до юридически и математически прочерченной линии, будущей арены борьбы за жизнь вытекает из создающей сильное напряжение противоположности, которая существует на стыке между наполненной жизнью землей и землей незаселенной. Это напряжение заставляет изучать, пожалуй, как сильнейшую, понятную с точки зрения как естественных, так и гуманитарных наук разделяющую силу в отношении границы незаселенного или же считающегося незаселенным земного пространства; оно, само собой разумеется, имеет точно такое же значение как для экономики и физической географии и их проявлений в сфере сношений, так и для хорошо продуманных, проникнутых духовностью политических и культурно-географических планетарных мировоззренческих движений. Но и здесь в пересечении полярных пространств, поясов пустынь, высочайших горных хребтов, поясов болот первобытного тропического леса, океанских просторов (которые и сами, естественно, являются ареной борьбы за жизнь) мы видим проницаемость всех границ. Абсолютных границ больше нет ни на земле, ни на море, ни в ледяных пустынях полярных ландшафтов. Как раз в наше время взялись за раздел границ Арктики и Антарктики; на планете больше нет «no man' s land» – «ничейной земли».

В этой констатации сразу обнаруживается масштаб проблемы, значение признания того, что с расширением пригодной для жизни земли и с увеличением плотности населения усиливается значение идеи о границе как плацдарме борьбы, как о непрерывно наступающем или отступающем замкнутом, но не сохраняющемся застывшем образовании! Пограничная борьба между жизненными формами на поверхности Земли становится при ее перенаселенности не мирной, а все более безжалостной, хотя и в более гладких формах. Кто пытается ввести в заблуждение человечество на этот счет, неосознанно или сознательно потворствует лжи, даже если она продиктована состраданием и милосердием. Чем больше будут оттесняться незаселенные, а также считающиеся таковыми пространства, тем все труднее сохранить длительную конструктивную прочность естественных границ, тем все острее, немилосерднее борьба за существование внутри унаследованных границ.

Исследование представлений жившего до нас поколения о считавшихся непригодными для жилья пространствах, признанных естественными науками безусловно разделяющими зонами планеты, показывает, как далеко мы опередили эти представления на протяжении жизни одного поколения, которые в то время для любого человека, любого народа находились в совершенно другом месте, позволяя выносить лишения сообразно их способности и технической оснащенности в борьбе за существование.

Для переоценки представлений, связанной с изменением эпох, сравним лишь один пример – отношение Рима, его певца Овидия, изгнанного в Томы, к тогдашним черноморским ландшафтам и более ранние эллинские восприятия Понта Евксинского, а также поздних черноморских резиденций, которые создал для себя избалованный западноевропеец, или Ялты, казавшейся властителям Российской империи раем на Земле. Сколько оттенков в точке зрения на пограничное пространство – понтийское, – восточных и западных срединных стран на зерновую биржу Афин, «гостеприимные эллинские города», «место ссылки римлянина», русскую Ривьеру, ухоженный сад рафинированного представителя западноевропейской культуры из дома Кобургов!

* * *

Для различия точек зрения на одно и то же пространство, приблизительно синхронных по времени, но только в одном случае больше нордической, континентальной, а в другом больше южной, океанской по происхождению и воспитанию, быть может, наиболее типичным и бесспорным является пример отношения России, Китая и Японии к Приамурью.

Что позволяет нам простейшим способом разгадать мнимую загадку, почему русским удалось в баснословно короткое время пройти через Сибирь и достичь Тихого океана, создать громадное имперское образование, которое проникло в американское пространство вплоть до бухты Сан-Франциско и лишь под сильным нажимом англосаксов, а позже китайцев и японцев вынуждено было отступить назад?

Решающим был все же тот факт, что продвигавшийся в Северную Азию русский не считал эти пространства незаселенными и поэтому проникал туда, в то время как другие крупные народы мира, в том числе восточноазиатские, с чьим жизненным пространством он скоро соприкоснулся, считали их непригодным для жизни, не имеющим ценности пространственным владением или даже придатком, примыкающим к враждебной для жизни северной полярной области. Таким образом русская экспансия в 1643 г. приблизилась к последнему крупному резервату культурного пространства Земли – восточноазиатскому, который до этого сохранялся как основательная область защиты: между полярной, пустынной, океанской, альпийской и тропической. Вопрос был близок к решению, окажется ли под защитой расширяющегося русского образования северный пшеничный пояс Земли вокруг всей северной зоны умеренного климата, или же он должен оставаться нарушенным в решающем месте сохранением обеспеченной защиты восточноазиатского мотыжного земледелия в северной необжитости. Перед китайцами лежали земли на Амуре, которые они считали непригодными для жилья не представляющими ценности для огосударствления. Они стояли на Амуре, как Древний Рим – на Дунае и Рейне, наблюдая за рекой, но ничего не организуя там. Все же степной инстинкт Маньчжурской династии защитил ее право на границу в договоре 1689 г., заключенном в Албазин-Нерчинске. Он отбросил русских назад до тех пор, пока нарастающее расчленение рушившейся Маньчжурской империи под ударами морских держав и внутреннего восстания китайского Юга (тайпинов) не помогло им наложить руку на тихоокеанское побережье Маньчжурии и затем на район Амура (середина XIX в.).

Значительно позднее, чем китайцы, угрозу русских из зоны Амура почувствовали японцы. Островному государству, расположенному ближе к тропикам, до конца XVIII в. казалось, что северная часть пригодных для освоения территорий начинается уже у пролива Цугару между Хондо и Хоккайдо, и крепости Матцумай в Дате на южной оконечности Хоккайдо как оборонительной линии для него достаточно. Лишь в конце XVIII в. японцы ощутили приближающийся натиск и встретили его благодаря спешным северным экспедициям на Сахалин и в богатые рыбой участки в устье Амура под руководством Мамиа Ринзо и Могами Токунаи, которые впервые описал Западу Зибольд. Но затем инстинкт безопасности быстро подтолкнул

их собраться с силами для ответного удара: вначале по договорам о совместном управлении с проницаемой северной терртории через Сахалин и Курилы, затем к разделу, при котором океанские Курильские острова отошли Японии, а близкий к континенту Сахалин – России. Наконец, дело дошло до военного столкновения, в результате которого Южный Сахалин вновь оказался в восточноазиатских руках и русские были выброшены из коренных земель Маньчжурии. Прибрежная полоса у Тихого океана и земли севернее Амура остались в руках русских; тем самым Восточная Азия была вытеснена с северных территорий, которые она с тех пор без устали стремится возвратить посредством переселения и экономической экспансии.

Все это указывает, с учетом рассмотрения, по меньшей мере, всей предыстории вопроса, какой широкий процесс происходит в людях и народах в результате борьбы за расширение обжитого пространства Земли вокруг полюса, моря, степи, высокогорья, за раздвижение границ человечества, которая ведется одновременно с продвижением державного мышления в считавшиеся незаселенными области. Этот процесс характерен для расширения России в североазиатском и северотихоокеанском направлениях, придавая ему героический облик, хотя и привел к провалам в океанской политике вследствие продаж Аляски, возвращения к политике охвата северной части Тихого океана, к столкновению с Японией, которым снова противостоят континентальные приобретения (Монголия!).

* * *

«Очень много говорят о хороших и плохих, о естественных границах, почти не утруждая себя размышлениями». Таков мрачный вывод одного из самых видных политиков и антропогеографов, сделанный в этой сотрясаемой стонами атмосфере. При этом о «хороших» границах можно говорить, пожалуй, лишь там, где таковые многих областей жизни худо-бедно расположены под прикрытием благодаря морю или – теоретически – всех, которые благодаря неосвоенной области (анэйкумене) совпадают пространственно с незаселенностью, непригодностью для жилья. Там, стало быть, возникают прочные, защищенные границы, которые сохраняются тысячелетиями или, по крайней мере, вновь возрождаясь, всегда доказывают свою разделительную способность.

С реальной, эффективной, имеющей практическое значение границей мы были знакомы до сих пор как компромиссом между резкими отклонениями во взглядах. Имеют ли при этом место все же такие аномалии, как даже при отношении Ратцеля (который все-таки является поборником здравого человеческого разума, порожденного жизнью, против формалистов) к границе по градусам, которую он обозначает как «природную»? Значит, продуманная линия должна быть естественной границей, хотя она, например между Канадой и Соединенными Штатами, на расстоянии более 2 тыс. км проведена наобум, напрямик, и на выход к Тихому океану, где она сливается с образовавшимися (генетическими) поистине природными границами, ведя к абсолютно абсурдным геополитическим отношениям на границе, изображенным мною на собственной схеме в книге «Геополитика Тихого океана».

Нужно, однако, хоть раз самому – где возможно, с хорошей лупой в одной руке и цейссовским биноклем в другой – осмотреть снеговую линию, границу леса или иной растительности, «подножие» горы, «главный гребень», «водораздел» в тропиках, попытаться установить пограничное предполье болота, даже линию берега моря (уже ботанический сад обнаруживает замысловатость поддержания зоны отмелей!), не говоря уже об истинной прибрежной линии в мангровом болоте, чтобы убедиться, что жизнь не терпит так называемых аккуратных разделов, что природа не расположена к прямым, проведенным на картах линиям, часто насмехается над ними. Даже линия улицы, линия строений, т. е. нечто искусственное, на совершенно прямой улице изобилует правовым коварством и сервитутами – от развесистого дерева, отношения

к организму улицы и его многочисленным правам до свободно бегающей собаки. Насколько резка бездна в общем плане между практикой и теорией!

Практика проведения границ сталкивается прежде всего с многочисленными остаточными состояниями (рудиментами), с которыми ей приходится разбираться. «Подвластные», тесно связанные малые пространства, картографически доступные пониманию, и незафиксированные, традиционные состояния пограничного общества нематериального и материального типов, транзитные права, права выпаса, религиозные территориальные притязания, проистекающие из древнеримского разделения на провинции, культурные структуры, берущие свои истоки из давно исчезнувших имперских образований, политическая зависть, экономически важные доступы к реке, права водопоя, заявки на разработку полезных ископаемых должны быть подвергнуты девальвации. Сказываются признаки былой утраты инстинкта, следы юридического своенравия; но, разумеется, и упорное удержание претензий и прав, как, скажем, в случае с благоприобретенными сервитутами в частных владениях, – причины, которые часто сильнее вновь возникших границ.

В целом же мы находим гораздо большую свободу и надгосударственного движения земельных владений на планете, больший обмен пространством, чем полагает оперирующее малым пространством центральноевропейское представление о делании границ на длительный срок. «Безопасность» не есть правило, а исключение.

* * *

Завершая размышление о границах, которое наряду с научно апробированными и многократно подтвержденными, объективными констатациями непременно содержит и некоторые оценочные суждения субъективного свойства (если, конечно, целью данного исследования были сколько-нибудь полезные умозаключения, а не мнения типа «non liquet» или «ignorabimus»), автор чувствует прилив свежих сил и бодрости, обозрев с достигнутой им вершины собственный путь, видит, как другие, начиная свое восхождение с иных исходных позиций, все же достигают весьма близких результатов.

Речь идет прежде всего о толковании Фрайера, которое я обнаружил в подтверждение своих идей в его содержательной и глубокой по смыслу книге «Der Staat» («Государство»):

«Увиденное извне (а государство должно быть рассмотрено здесь извне вовнутрь, ведь извне вовнутрь оно и строится!), государство есть не что иное, как замкнутая цепь, неотъемлемыми звеньями которой являются безопасные или обороноспособные границы, благоприятные гласисы, маршруты движения войск и военно-морские базы, укрепленные позиции и стратегические дороги, источники сырья, гавани, рынки и промышленные площадки, примирение интересов населения и взаимодействующие на основе разделения труда провинции…»

Найдя в движении мира подтверждение своим естественно-научным и философско-историческим взглядам у защитника правовой идеи, и ученый, занимающийся проблемами границ, обретает утешение, поднимая завесу будущего не спеша и терпеливо бережной, ищущей мудрости рукой. Поскольку честный научный поиск имеет на это право, пытливый взор глубже проникает от подобных представлений к связям между подвижными, все еще чреватыми конфликтами состояниями границ человечества и чаяниями Внутренней Европы; и здесь обнадеживающая связь очевидна. Подобно тому как из гигантского пожара так называемой мировой войны, пылавшего с 1914 г. до… (?), в других старых культурных областях Земли возникло и расцвело движение за самоопределение угнетенных, – этот побочный продукт войны, крайне нежелательный для истинных возбудителей борьбы, – так и этот внеевропейский импульс мог бы, с другой стороны, содействовать избавлению от ига потерпевшей крах Внутренней Европы, сковывая действия тех, кто насилует ее границы.

Как мы теперь видим, именно в результате чрезмерной жестокости договоров и принуждения с помощью лукавой казуистики многие люди фактически связывают свои надежды на светлое будущее в огромной мере с разрушением границ, установленных несправедливым насилием. И отсюда в условиях общей угнетенности рано или поздно между Советским Союзом, Китаем и паназиатами, а также между другими угнетенными, униженными, эксплуатируемыми и каждодневно оскорбляемыми народами возникает чувство единения и как следствие возможность совместных действий.

Даже такая одержимая пацифизмом личность, спокойно мирящаяся с сохранением современного правового состояния неслыханного унижения древних крупных культурных народов, недостойно стесненных в пространстве, как поборник пан-Европы граф Куденхове-Калерги, категорически признает, что он и представить себе не может, каким образом должен сам собой, без войны, решиться спор о разграничении цветных и белой рас в индотихоокеанском пространстве – между столь густо заселенными, испытывающими давление резерватами людей и столь мало заселенными, крайне нуждающимися в людях резервными пространствами Земли, как соответственно муссонные страны и Австралия, или между тихоокеанским англосаксонством, империалистически наступающим на Тихий океан.

Он только верит, что его пан-Европа – несмотря на обременительную принадлежность к ней бельгийской, нидерландской и французской колониальных империй – сможет остаться в стороне от этого спора. Но какое у нас, в подвергающейся непомерной эксплуатации Внутренней Европе, есть основание помогать своим молчаливым согласием сохранению во владении враждебных и безжалостных к нам эксплуататоров, запертых для нас заморских эксплуатируемых земель, участвуя, скажем, в союзах, которые хотят увековечить такую несправедливость? Мы когда-нибудь предъявим миллионам людей, заинтересованных в крушении нынешней системы фиктивных границ, самые общие данные статистики и тогда увидим, сколь ужасающе велико численное превосходство таких людей, а следовательно, чем может обернуться подлинно демократическое волеизъявление по вопросам существующего распределения власти и пространства на Земле и их разграничений!

К по меньшей мере 75 млн недовольных немцев присоединятся тогда 448 млн из китайского народного государства, 320 млн индийцев и 143 млн жителей Советского Союза, 25 млн населения французской колониальной империи в Индокитае и 55 млн – нидерландской в Индонезии, 12 млн филиппинцев, 4,5 млн человек на Цейлоне, которые через большую часть органов своего общественного мнения на представительных международных конгрессах уже высказались о том, что они хотят изменить нынешнее состояние границ в мире.

Но, кроме названных миллионов, которые уже сами по себе составляют большинство, даже великие державы современности пока что не решили, к кому им следует примкнуть в случае решающего столкновения. Это 85 млн населения великой Японской империи, включая и 20 млн корейцев, мнение которых следовало бы также спросить. На конгрессе в Брюсселе голоса Египта и стран Северной Африки были услышаны слишком отчетливо, чтобы они могли составить компанию блюстителям теперешнего состояния, так же как голоса Турции Кемаль-паши, Ирака с его неоднократно распускавшимся народным представительством из-за выражаемых им протестов или же Персии и Афганистана, получивших гарантии безопасности со стороны Советов. Таким образом, хранители нынешних границ не могут апеллировать к мнению большинства малых и больших народов Земли, якобы допущенных к самоопределению, и им остается лишь ссылаться на правовой титул, силы, власти, на произнесенные кротким Спинозой грозные слова: «Quisquis tantum juris habet, quantum potentia valet». Но производит жалкое впечатление, когда тот, кто, сам пользуясь насилием, взывает о помощи к международному жандарму. А ведь, как нам известно, именно так поступали эксплуататоры и угнетатели против тех угнетенных, которые в целях своей защиты от насилия прибегли к экономической

силе оборонительной забастовки, как это происходило в 1925–1927 гг. в Китае, или к одному только «отказу от сотрудничества со злом» чуждой власти, как в индийском движении Ганди.

* * *

Впрочем, тот, кто всматривался в эти отношения, не прибегая к помощи очков, искажающих преломление света и краски, и узрел открывшуюся перед ним страшную несправедливость, должен будет признать, что просвет на горизонте, часто возникающий перед сильными грозами в качестве «false dawn», на самом деле краснее, чем хотелось бы сегодняшним носителям власти и хранителям границ на Земле. Во всем этом больше настроения заката мира (Weltuntergangsstimmung), когда хотят говорить о гарантиях взаимной безопасности (Ruckversicherungen), взаимной защиты заурядности, к которым все больше склоняются разного рода политические партии центра в странах, где парламентаризм не является самобытным, выросшим на местной почве явлением.

Именно геополитически образованный должен констатировать, что те, кто особенно явно стремятся отвратить закат Европы (Untergang des Abendlandes), своей половинчатой позицией в вопросах границ многое делают для того, чтобы он произошел; и что часто те, кто вызывают подозрение в неслыханном радикализме, мнимые сокрушители скрижалей, такие как духовные лидеры китайского Юга и решительные поборники границ, смелые межевальщики между национальным, народным, берегущим границу и интернациональным, упраздняющим расовые различия, стирающим границы между мировоззрениями, вероятно, иногда вопреки их воле способствовали тому, чтобы благодаря справедливому обновлению границ создать более устойчивую структуру будущего.

Ибо бывают времена апатии и усталости: они приходят и к сильным странам, и к храбрым народам, укрепляя и обессиливая их, подобно яду, заставляя их растратить и проспать унаследованное пространство и будущее собственных детей. В подобные времена всякий говорящий им то, что они желают слышать, заставляя их погружаться в гипноз, не обретает никакой заслуги перед ними, но лишь грешит в отношении их лучшей жизненной силы. Напротив, следует считать своим долгом без устали окликать их как сомнамбул до тех пор, пока они не услышат и не пробудятся, дабы укрепить и расширить свои границы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.